

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

1
(1014)

ISSN 0132—2141

Святослав
СПАСКИЙ

МЫ
ДЛЯ НАС

Дружеский шарж
В. МОЧАЛОВА

Автобиографии обычно неискренни.

Так уж получается — люди невольно выпячивают выгодные стороны своего жизненного пути, а сомнительные, скользкие фактики стараются обойти. Либо подать их под особым, деликатным соусом.

Вот я. Во всех автобиографиях я писал: «Поступил в Московский институт инженеров железнодорожного транспорта, а со второго курса перешел в Московский полиграфический институт». И ни разу рука не поднялась поведать миру истину, а именно: из МИИТа был отчислен за неуспеваемость, потом поступил в Институт землеустройства и геодезии, откуда был отчислен за непосещаемость, и только потом попал в МПИ.

А совесть свою успокаивал тем, что, мол, нечего утомлять людей подробностями.

Поэтому сейчас ничего о себе писать не буду. Все равно сойду. Сообщу лишь единственный факт: отметил свое шестидесятилетие. Тут нет ни грана лжи, а только печаль и недоумение. Печаль — потому что уж больно быстро пронесли годы. Недоумение — если время мчится столь стремительно, что же оно ползет юзом, когда считаешь дни до полочки?

Библиотека Крокодила № 1

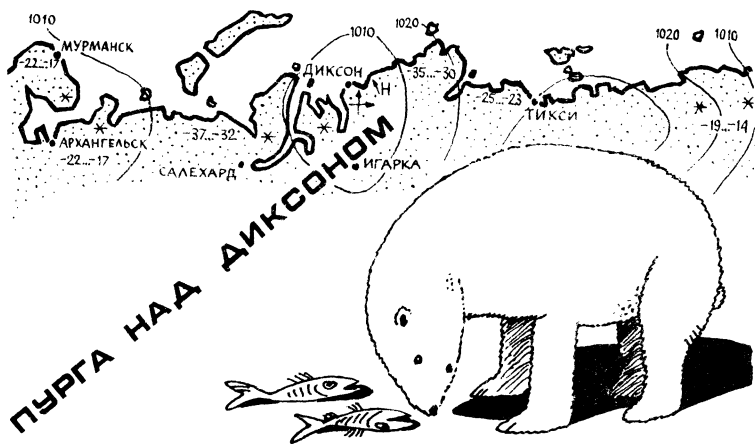
Святослав СПАСКИЙ

МЫ ДЛЯ НАС

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ РАССКАЗОВ

РИСУНКИ АВТОРА.

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»
1987

Вернувшись с кустового совещания, директор завода железобетонных конструкций Петр Иванович Казарцев обнаружил на своем столе анонимку:

«Когда весь наш коллектив героически перевыполняет план, известный вам снабженец Буслаев завел себе личного белого медведя, занимая им полезную площадь за цехом номер пять, которого кормит за государственный счет. Время кормления: 8-30 утра и 16-00 пополудни.

Ясный Глаз, патриот завода».

— Экая же чушь! — воскликнул, поморщившись, директор и выглянул в приемную: — Верочка, тут без меня Котов заходил?

— Заходил, Петр Иванович, — ответила секретарша. — Ненадолго. Ремонт, говорит, пора в кабинете вашем делать. Косметический. Потолок смотрел.

— Потолок. Ясно, — пробормотал Казарцев и почесал бровь. Прикрыв дверь, он перечитал письмо и задумался. Потом посмотрел на часы.

— Пятнадцать пятьдесят пять пополудни. Пойду проверю. Хоть и глупо.

Однако сигнал Ясного Глаза, патриота Котова, к крайнему удивлению директора, подтвердился: обойдя внушительный корпус пятого це-

ха, он уперся в могучего белого медведя. Медведь полулежал в холодке, выставив палевое брюхо и уютно подперев лапой щеку. Глаза его были зажмурены.

— Наваждение, — сказал Казарцев и ткнул медведя ногой, чтобы убедиться: живой ли? Медведь открыл вишневый глаз и покосился на блестящую туфлю директора.

— Нет, это черт-те что! — закипел Казарцев. — Полное разложение. Докатились, дальше некуда. Надо писать приказ, по всей строгости закона.

За спиной директора заерзало. Он резко обернулся. Виногато помаргивая, перед ним стоял начальник отдела снабжения Буслаев, в обнимку с большим полиэтиленовым пакетом с рыбой. Медведь оживился и сел, нюхая воздух.

Казарцев бросил взгляд на часы: шестнадцать ноль-ноль, время кормления.

— Объяснись, Буслаев, — сказал он, играя желваками.

— Вот, Петр Иванович, — жалобно сказал Буслаев, — я их прошу двутавр для реконструкции первого цеха и швеллера восемьдесят штук, а они мне — его.

Он подбородком указал на зверя.

— Они мне его, — повторил Казарцев. — Ты меня местоимениями не обволакивай. Кто это они?

— Шут их знает, кто! Я-то даю заявки, как всегда, через наше управление, чтобы оно через ихние главки выбило с поставщика требуемое. И заявку дал за квартал, как положено, — вы же утвердили, — и по накладным проверял — все правильно. А только вместо двутавра, вместо швеллера — бугая этого прислали. Медведя, я хочу сказать. Недельку уж с ним маюсь. У них там какой-то растяпа напутал, а Буслаев крутится!

— Чего ж не доложил сразу?

— А чего я доложу? Сам понять ничего не могу. Хотел сам сначала разобраться, а потом уж вам докладывать. Отказывался от него, мол, не просил никто медведя, так железная дорога санкциями пугнула: дескать, вы получатели, согласно документам. Вот и взял. Ну что теперь?

— А отпавитель-то кто, ты проверил?

— Неужели! Диксон, ЦБЩУ.

— Это что — ЦБЩУ?

— Да никто не знает. Я даже с Северным пароходством связался, просил радировать. И они первый раз слышат об этом ЦБЩУ. И вообще, говорят, четвертый день пурга над Диксоном. Все население на расчистке дорог.

Медведь рывкнул.

— Да даю, даю, — сказал Буслаев. — Утроба ненасытная.

Он вывалил рыбу на землю. Чавкая и облизываясь, зверь торопливо принался за трапезу.

— Рыба откуда? — грозно спросил директор.

— Из магазина. На свои кровные покупаю, — запальчиво ответил Буслаев. — Пять кило с ходу молотит. Спасибо еще, с шефом нашей столовой договорился, отходами делится. Ну ведь не подыхать же зверю, он-то чем виноват?

— А Котов пишет — кормишь за государственный счет.

— Уже пишет? А вы что, Котова не знаете? Потому и не подписывается, ясноглазый, что врет.

— Котова-то я знаю, — задумчиво сказал Казарцев. — А вот как действительно с медведем-то быть? Вот что, пожертвуй-ка ты его в зоопарк.

— Я уж жертвовал, — уныло ответил начальник снабжения, — не берут. Не еж, говорят. Ежа возьмем, а белого медведя без документации — ни за что. Дорогой зверь, из Красной книги. Отвечать никому неохота.

— Бюрократы, — проворчал Казарцев. — Ничего, мы их тоже оплетем. Значит, действовать будем так: зверя первым делом оприходуем и будем давить на главк, чтобы кормами обеспечили. Учтем его как оборотное средство, согласно положению. Там, я помню, есть статья такая подходящая, 15-я называется — о животных на откорме. Включим его в план четвертого квартала особым пунктом, а там уж всучить зоопарку ничего не стоит — по передаточному балансу. А? Ну и куда они денутся?

— Вам виднее, — сказал повеселевший Буслаев.

...Медведя удалось провести как дополнительную продукцию завода, включить в квартальный план. Из главка выбили даже дефицитный рыбный жир, по триста граммов в день, включая выходные. Правда, жир был разрешен только на летний период — с осени, по расчетам главка, медведь должен был впасть в спячку. Казарцев, уверенный, что белые медведи зимой так же активны, мрачнел, на глазах тощал. Писал докладные.

Медведь же, наоборот, лоснился, тучнел на госхарчах: теперь хека и минтая ему поставляла централизованно продуктовая база. Да еще Буслаев, прикипев душой к своему питомцу, подкидывал ему мясного фарша и рыбных палочек, купленных на свои кровные.

Комсомольцы пятого цеха в порядке шефства выстроили зверю просторный вольер из нержавеющей стали. Ясный Глаз пытался проинформировать общественность о том, что профком якобы показывает медведя посторонним туристам за деньги, которые, естественно, прикарманивает, но поклев общественностью был отмечен.

В бухгалтерских отчетах вольер стал значиться «Цехом БМ». Директору удалось утвердить полставки на обслуживание медведя. Постепенно зверь вплыл в спокойные бумажные реки, замелькал во всех сводках, узаконился. К нему приспособились. И срок передачи его в зоопарк нагрянул как-то неожиданно.

Провожали его торжественно, с оркестром, с фотокорами. Клетку загрузили краном на мощный «БелАЗ», который величаво выехал с заводского двора. Вслед ему раздавались напутственные крики шефствующих комсомольцев и откровенные всхлипывания Буслаева.

А через две недели директору был спущен производственный план на следующий год. В графе по выпуску дополнительной продукции стояло:

«Медведи белые — две штуки».

МЫ ДЛЯ НАС

«Прекрасное заведение — универсам, — сказал сам себе Петров — Вот минуты не прошло, а я уже отоварился. Сахар, мыло, масло подсолнечное. Маргарин, сосиски, хлеб белый и черный. Макароны. Консервы: мойва жареная и фасоль болгарская. Это в простом магазине минимум полчаса убухать. Да еще с продавщицами наругаешься, последние нервы пораздерегаешь».

Он пошел платить. Работали всего две кассы, и очереди к ним петрыми питонами вились по всему залу. Привычным взглядом Петров определил контингент выстаивающих и выбрал для себя ту очередь, где преобладали мужчины.

Он не был женоненавистником. Просто он знал, что женщины, как

правило, набирают продуктов обстоятельно и про запас, с хозяйственным прицелом. А как мужчина попадает в магазин? Обычно после краткого импульса со стороны жены: «Сидишь? А в доме хлеба нет». Вот и стоят мужчины с одним-двумя видами продовольствия — пачкой сахара либо белым батоном. С такими-то покупателями очередь движется куда веселее.

(Справедливости ради отметим, что Петров, будучи безусловно лицом мужского пола, в магазине вел себя по-женски, то есть обстоятельно и практично.)

И правда, петровская очередь продвигалась шустрой. Тетки из параллельной очереди, видя это, хмурились, пыхтели и несли напраслину на свою кассиршу: дескать, еле ворочается, считать не умеет, сдачи каждую копейку как от сердца отрывает и вообще спит за кассой, как сова.

«Сами вы камбалы, — подумал про теток Петров, — соображать надо, в какую очередь становиться».

Довольный, он поставил ажурную корзинку с покупками на приступочек у кассы, как вдруг из подсобного закута выпорхнула вся белая, как мечниковская простокваша, торговая женщина.

— Варвара, — резко крикнула она, — ты мелочь просила? На, проверь только. Тут на восемьдесят рублей.

Она вывалила перед петровской кассиршей горсть тяжелых денежных колбасок, и та, легко очищая их от бумажных шкурок, принялась считать монеты. Считала она очень быстро, почти на компьютерном уровне, монетки, бренча, сыпались в гнездовья кассового аппарата, тем не менее тетки из той очереди расцвели, а Петров скис.

— Это что же, вы все монеты пересчитывать собираетесь? — с вызовом спросил он.

— Собираюсь, — с вызовом той же тональности ответила Варвара, кассирша.

— И долго это будет?

— Если мешать не станете, недолго, — серьезно сказала кассирша.

— Ничего себе недолго! Ничего себе порядочки у вас в магазине! — завелся Петров. — Тут стоишь-стоишь, на работу опаздываешь, а они себе считалочки устроили! Ничего себе!

— Деньги счет любят, — сказал стоящий за Петровым старик, похожий на древнегреческого философа.

— Пословицы и мы знаем, — отпарировал Петров. — «Время — деньги», например. При чем тут счет? Вовремя все делать надо. А то им считать, а нам торчать. А между прочим, не мы для них, а они для нас.

— Все для всех, — возразил философ.

— А товарищ-то посообразительнее вас, — сказала Петрову Варвара. — Почему это только мы для вас? А вы для нас нет? Несправедливо так.

— Вы на своей работе — для нас, — уточнил Петров, — а мы на своей — для вас.

— Представляю, — усмехнулась кассирша, — как для нас-то работаете. Через пень колоду небось, с перекурчиками да анекдотиками. А здесь вы короли! Ах, опаздываю, ах, работа ждет! Поглядеть бы на эту вашу работу!

— Так поглядите! — гордо крикнул Петров. — Да, вот приходите и глядите, я не боюсь!

Он выхватил из кармана удостоверение и распахнул перед кассиршей.

— А что, и приду! — засмеялась она. — Ждите. Ну, что у вас там? Маргарин — сорок пять, половинка бородинского — одиннадцать...

...От этой пикировки мутноватый осадок остался у Петрова на душе.

«А вдруг и правда придет? — спрашивал он сам себя, сидя за рабочим столом. Но тут же возражал, тоже сам себе: — Да что она, ненормальная, по учреждениям без дела ходить? А и придет, пожалуйста: дурака не валяем, вон папок сколько».

И он в который раз перечитал названия на корешках папок: «Переписка с параллельными инстанциями», «От вышестоящих», «Заявки», «Копии приказов», «Разное».

Варвара пришла через два дня.

— Здравствуйте, товарищ Петров, — деловито сказала она, снимая шубку и вешая на крючок у двери. — Приглашали? Вот и явилась.

— А! — как бы иронически воскликнул Петров. — Товарищ Варвара, извините, дальше не знаю.

— Семеновна.

— Семеновна, — повторил Петров. — Ну садитесь, будьте как дома, чем могу поспособствовать?

Она взяла стул.

— Ничего мне не надо, вы работайте, я как раз мешать-то вам и не собираюсь.

— А что же вы будете делать?

— Смотреть, — объяснила Варвара, — сидеть и смотреть. Учиться у вас, как нужно работать. Чтобы быстро и целеустремленно.

— Ладно, — сказал Петров равнодушным голосом, — сидите, коли так.

Он взял несколько папок, стал, супясь, перебирать подшитые в них бумаги.

Прошло около часа.

Варвара сидела неподвижно, чуть склонив кудрявую голову и с интересом глядя на стол. Выдержка изменила Петрову, он заерзал.

— Знаете, — нервно сказал он, — так очень трудно работать, когда за тобой наблюдают. Сосредоточиться мешают, вам не кажется?

— Это еще что — когда молчат, — сказала кассирша. — А вот когда под руку мелют невесть что, да подгоняют, да критикуют.

Петров вспыхнул.

— Намек понят, — сказал он, — но не все сравнимо. У меня работа с цифрами, умственная. Вот напутаю — большая неприятность выйдет.

— У вас с цифрами, а у меня? — возразила Варвара. — Через меня тыщи проходят, вот где неприятность-то, если лента с наличием не сойдется.

— Ну ладно, чего препираться, — миролюбиво сказал Петров. — Мне к начальству надо.

Он схватил папку и поднялся.

«Покурю хоть», — подумал он.

— А зачем к начальству? — спросила Варвара.

— А вы не слишком ли... любознательны, Варвара Семеновна? — сказал Петров и напыжился. — Может, тут секретная документация.

— Если б вы на секретной работе сидели, — насмешливо сказала Варвара, — так меня к вам не пустили бы. А у вас система не пропускная. Заходи кто хочешь, как в нашем универсаме.

— Хорошо, — согласился Петров. — Я вам объясню, только вряд ли вы поймете.

— Пойму. Вы же вон как в моей работе понимаете. То не так, это не эдак.

— Тогда слушайте, — злорадно сказал Петров. — Внимательно слушайте. Вот: я занимаюсь планированием оптимальных размеров проектируемых предприятий, которые — я говорю о размерах — зависят от производительности, состава и синхронности работы оборудования.

— Не только, — сказала Варвара, — а еще и от уровня интенсификации технологических процессов.

Петров раскрыл рот, но не произнес ни слова.

— А кроме того, — добавила она, — от расстояния до сырьевой базы и места потребления производимой на данном предприятии продукции.

Петров захлопал глазами.

— Возможно, — промямлил он, — но я разрабатываю сейчас теорию зависимости оптимального размера от максимальных темпов роста производительности.

— И с этим вы собираетесь к начальству?

— Да, примерно с этим.

— А вы отдаете себе отчет в том, что снижение издержек производства возможно и под влиянием факторов конъюнктурного характера? И что минимум издержек, достигнутый на такой основе, не может служить критерием оптимальности?

Тут глаза, которыми Петров хлопал, стали напоминать бараньи.

— Да ведь это моя мысль! Я над ней с сентября месяца работаю! Я как раз собирался ее провентилировать с главным инженером.

— Зачем же вентилировать дважды два? Это вы придете ко мне с пачкой соли за гривенник, а я вместо того, чтобы выбить чек, помчусь к директору советоваться: как, мол, понять — то ли покупатель мне десять копеек платит, то ли я их с него получаю?

— Так у нас принято, — уныло сказал Петров. — Но скажите же, скажите: откуда у вас такая эрудиция?

— Мы же интеллигентные люди, — туманно ответила кассирша. — Главное, что работа ваша налицо. Льем из пустого в порожнее, так? И макулатуру в папочках копим. Дайте-ка я взгляну, что вы там напощивали.

Петров соколом упал на грудку папок.

— Не надо, Варвара Семеновна, — взмолился он, потя. — Вы меня там, в универсаме, превратно поняли. Я просто удивлялся: почему на такой громадный магазин только два кассира?

— А вот это совсем иная постановка вопроса. Информировать по существу: одна кассирша с маленьким сидит, в ясли никак не устроит, а две враз в декрет ушли, как сговорились. Вот идите к нам работать, была бы реальная помощь, без критиканства.

Петров ненатурально засмеялся:

— Кассиршей, что ли?

— А что такого? Кассирша, кассир — какая разница? Был бы результат. А сейчас чисто мужских или женских профессий нету, в мире все смешалось. Вон в квартале от нас гастроном, так там девушка мясником устроилась. Одни очки да ногти, а больше и смотреть не на что. Такие библиотечкаршами раньше работали либо зрителями в музеях изобразительных искусств, а эта топором по говяжьей туше: хэк, хэк! Вмиг раздает. Тут тебе края, тут тебе грудинка. Вот нашел же человек призвание.

— Эй-богу, пойду к вам! — загорелся Петров. — У вас и коллектив, я заметил, дружный. Ну и там иногда, глядишь, колбаски твердокопченной или другого чего...

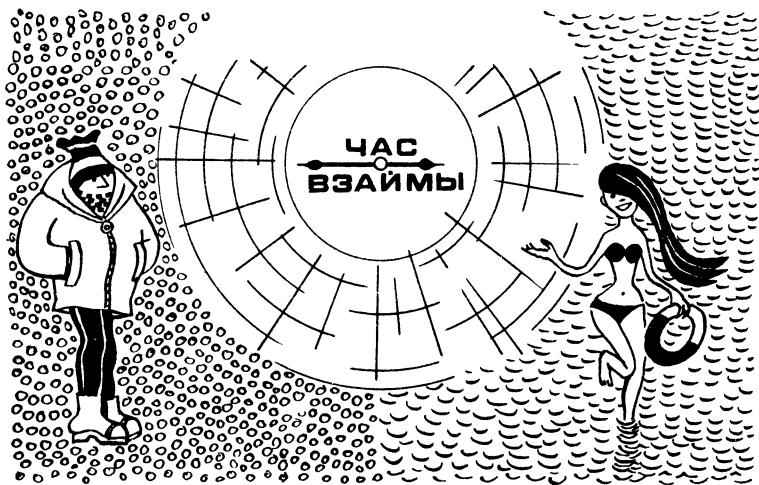
Варвара сделала непроницаемое лицо. Петров торопливо добавил:

— Изредка, я хочу сказать. Да это не главное, не в этом красота жизни. Вы представить себе не можете, как мне здесь обрыдло, за столом моим обшарпанным! Оптимальные размеры... Бумажки мусолим, ах, как вы правы! А справлюсь я, на аппарате-то?

— Справитесь... Самое трудное — руки от краски вечером отмыть, — заверила Варвара. — А так в два дня обучу вас. В общем, не волнуйте-ка, пишите заявление, я отнесу.

— И в декрет я не собираюсь, — увлеченно сказал Петров, доставая чистый лист бумаги.

Тридцать первого марта зав сказал заму:

— Напомните всем, что завтра мы переходим на летнее время. Часы переводим на час позже. А то начнется всякое: забыли, не поняли. Знаю я. Вот — чтобы никаких опозданий.

— Хорошо, — сказал зам. — А вопрос можно?

— Какой еще вопрос? — нахмурился зав.

— Если переводим часы на час позже, — сказал зам, — значит, на час позже и приходим на работу. Какие же могут быть опоздания?

Зав улыбнулся:

— Наоборот: часы на час позже — значит, время на час раньше. Ясно?

— Нет, — задумался зам, — ведь часы определяют время. Выходит, если на часах — девять, то по времени — еще восемь, так, что ли?

— По-старому восемь. А по-новому девять.

— Я и говорю. Выходит, по-новому — на час позже.

— Погодите, как же? Вы встаете в семь, а завтра это уже не семь, а восемь. Получается, что вы проспали. И надо вставать не в семь, а в шесть.

— Как в шесть?

— Да. По-летнему. А по-зимнему это будет семь.

— Ну, — попытался понять зам. — А как же служба точного времени?

В Пулкове, где-то глубоко под землей, чтоб помех не было, есть самые точные часы. Они на долю секунды не имеют права соврать. На долю! А мы — бах! — и на целый час поправляем. Так же нельзя, наверное. Тогда что же получается? Захотели — на час переставили время, захотели — на двадцать лет. В принципе ведь это то же самое?

— То, да не то, — попытался возразить зав.

— То! В принципе — то! непреклонно сказал зам. — Вот давайте переставим время назад на двадцать лет. Тогда я кончу школу и подам на медицинский. Я всегда мечтал хирургом быть, да вот не вышло. Женился рано. А если по второму разу прокрутить — я жениться погожу. Сначала — институт.

— Кончайте мистику! — воскликнул зав. — Дважды жить никому не дозволено. Летний час мы прибавляем условно, как бы займы. Первого апреля взяли, первого октября отдали. Проведем аналогию: завтра я у вас займы возьму сто рублей, а в октябре отдам. Вот каждый и останется при своем.

— До октября не могу, — вздохнул зам. — Мне за дачу платить. До полочки — пожалуйста.

— Да не надо мне! — крикнул зав. — Аналогия же. Мы же о времени рассуждаем.

— Ах, да, конечно, — спохватился зам и задумался. Потом жалобно сказал:

— Воля ваша, конечно, вы начальник. Вы мне можете приказать и всему коллективу тоже. Но ведь солнцу-то вы приказать не можете вставать на час раньше. Солнце вас не послушается.

— И не замахиwaюсь я на солнце! Я же только стрелочки на часах передвигаю. Просто летом раньше рассветает, и для экономии электричества все договорились вставать на час раньше. И соответственно раньше ложиться.

— Но ведь летом и темнеет позже, — сказал зам. — И придется при солнце ложиться.

— А вам жалко? — спросил зав. — А чего ее ждать, темноту? В темноте нехорошее творится. Хулиганство, дорожные происшествия, излишняя любовь.

— Так тогда, может, проще сделать так, чтобы и летом и зимой одинаково было? — предложил зам. — Очень уж сейчас неудобно: бывает, в июне сидишь-сидишь, а все не смеркается. Пересидишь свое, а утром рано — на службу. Да еще вы час отнимаете. Когда же спать-то?

— Как же вы уравниваете лето с зимой?

— Да по вашему же принципу: летом отобрать несколько светлых часов как бы займы. А зимой отдать, чтобы так на так вышло.

— Но солнцу-то не прикажешь!

— Солнце не трогать. А издать приказ, чтобы зимние полчаса считать за час. А летом — наоборот.

— Ну! — с изумлением сказал зав. — Ну и ну!

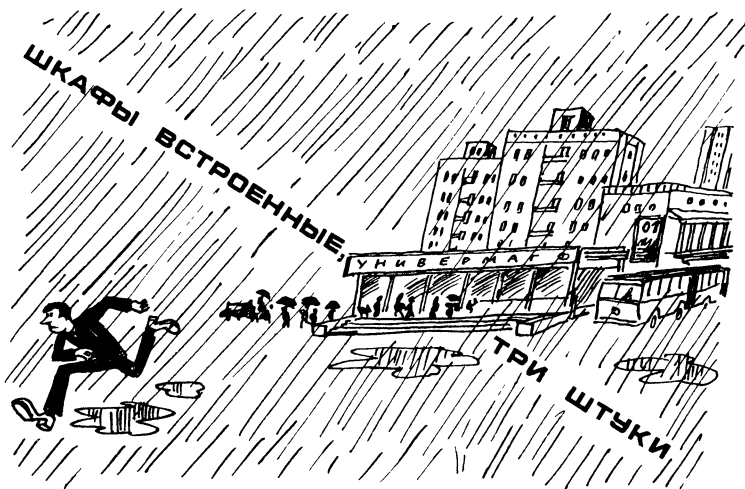
— Летние сутки считать по восемнадцать часов,— продолжал зам,— а зимние...

— Стоп! — отчаянно крикнул зав.— Я просьбу отменяю: вы сотрудникам ничего не объясняйте, я им сам скажу.

— Хорошо,— согласился зам.— А мне-то как завтра приходить, в восемь или в девять?

— В восемь, пожалуй,— неуверенно сказал зав.— Или нет, в девять, но по переведенным часам. Или нет, лучше завтра не приходите вообще. Да! Вы ведь, помнится, в отпуск хотели? Вот и отлично, идите-ка в отпуск с завтрашнего числа. Пишите заявление.

— Спасибо,— сказал зам.— А после отпуска во сколько приходить?

Смирнов позвонил, и дверь стремительно распахнулась, как будто за ним следили в замочную скважину. Он увидел чистенькую, сдобную старушку. От нее веяло положительностью. Таких старушек неутомимо разыскивают режиссеры детских фильмов на роли добрых бабушек.

— Извините,— сказал Смирнов.— Здравствуйте. Извините.

— Ах, да вы весь мокрый! — воскликнула бабуся.— Проходите, проходите.

Смирнов неловко прошел в коридор.

— В том-то и дело,— пробормотал он.— И откуда только этот ливень взялся?

Мечта режиссеров захлопотала, заворковала, засеменила вокруг гостя.

— Пиджак снимайте, я его сейчас в ванную, на батарею. Пока мы с вами тары-бары, он и подсохнет. Туфли тоже снимайте, вот шлепанцы. Так и простудиться недолго.

— Ну,— подтвердил Смирнов.— Я ведь только что отгрипповал. У вас таблетки не найдется?

Он снял дымящийся пиджак и поежился.

— Ерунда! — сказала бабуся.— Вам согреться надо. Я сейчас чаю с медом.

— На такое не рассчитывал,— благодарно сказал Смирнов.

Бабуся укатилась на кухню и через минуту бодро возвестила:

— Милости прошу сюда!

Смирнов прошлепал к ней. Чай уже был налит в толстую солдатскую кружку. В розетке, благоухая, белел мед.

— Пейте,— лучилась бабуся.— Кстати, кухню посмотрите. Хороша, а? Восемь метров. Ну,— семь девяносто, неважно. Зато квадратная, удобно.

— Благодарь. Ожил,— громоздко встав, поклонился Смирнов.

Сдобная старушка покати́лась из кухни. Смирнов шлепал следом. Старушка сунулась в ванную.

— Ну-ка, как ваш пиджак? Ничего, сохнет. Трубы горячие. У нас что-то, а топят славно, никогда такого не бывало, чтобы холодно. А как вам ванная? Хороша? Просторная, главное. Тут и стиральная машина помещается, и бак с бельем. Что вы, это такой плюс! Вы пиджак не трогайте, пусть еще посохнет, идемте, я вам комнаты покажу. Комнатки тоже прелесть. Светлые, изолированные. Шкафы встроенные, три штуки. Ну? Как вам? А эта?

— Да,— похвалил Смирнов.

— Бонбоньерка, а не квартира! — по-старинному похвалилась бабуся.— А антресоль заметили?

— Антресоль богатая,— подтвердил Смирнов, задрав голову.— Тонн пять водоизмещением.

— Я и говорю — Ноев ковчег! — с удовольствием захихикала бабуся.

— Вот только первый этаж у вас,— пожалел Смирнов.

— И что это все первых этажей бояться? — рассердилась она.— В мое-то время все на первых этажах жили, других не было. И ничего. А сейчас согласны в преисподней поселиться, лишь бы не на первом.

— Ну, так ведь лоджий нет.

— А зато у нас паркет. У вас паркет?

— Нет,— сказал Смирнов.— Линолеум. Я на восьмом этаже живу.

— А лифт, бывает, портится?

— Бывает, портится.

— Вот вам и этажность! Вот вам и альпинизм! А меня лифты не волнуют, хоть пропади они пропадом. А зато под окном — глядите, палисадничек. Это сейчас рано, а заходите в августе, посмотрите, что делается. Садовая ромашка, георгины, золотые шары. Сама насадила. Ну-ка, такое на лоджии вырастите! А вид! — увлеченно продолжала она. — Вид-то какой из окна. Вязы, старые вязы. Тургенев! А тишина! Никаких вам жилмассивов, никаких автостоянок. А племянница моя — у ней вид на сортировочную горку. Всю ночь вагоны хрюпают друг об друга да по радио диспетчера дурным голосом орут.

— Ну, у меня вид тоже славный, — сказал Смирнов. — На море.

— Как на море? — спросила бабуся. — Какое такое море?

— Японское море, — объяснил Смирнов. — Залив Петра Великого, бухта Тихая.

— Это где же?

— Это во Владивостоке, — сказал Смирнов. — У нас там очень тоже неплохо. А цветов! Вы в октябре приезжайте, у вас тут непогода, слякоть, а у нас — самая красота!

— Вы что, не москвич?

— Да нет же, говорю — из Владивостока. В командировке я.

— А что же вы насчет обмена?

— Что я насчет обмена?

— Мозги-то мне забиваете с обменом, коли не москвич?

— Каким обменом? Я ни слова ни о каком обмене не говорил. Моряк я, чего мне в Москве делать-то?

— Так вы не по обмену? Вы не квартиру смотреть пришли?

— Ну нет же, — сказал Смирнов. — Я тут к универмагу подъехал, жена кой-чего заказала поискать. А у них перерыв. А тут ливень. А я только что прогрипповал. Куда деваться? Забежал в ваш подъезд. В общем, обогреться хотел... Если что не так, вы извините... И спасибо за чай, за мед. Мед замечательный.

— Так это не вы мне утром звонили, что придете квартиру смотреть?

— Да не звонил я никому, — сказал Смирнов, переобуваясь.

— Тыфу, — сказала бабуся. — А я тут распинаюсь. Антресоль, паркет, тыфу! Забирайте ваш пиджак.

Надменные стенные часы торжественно пробили три.

— Спасибо, — сказал Смирнов. — Вот и перерыв в магазине кончился, пойду. И дождь вроде перестал.

ПОД ШАРАМИ

Макасеев уверенно шагнул под приземистые средневековые своды рынка. Миновав помидорные, огуречные, редечные ряды, направился к прилавку с зеленью.

Грудастые матроны прилежно вязали ажурные букетики петрушки, киндзы, укропа. Оглядев их неодобрительно, Макасеев подошел к худощавой и смуглой деве, спрятанной на две трети в пеструю табасаранскую шаль. Он взял пучок укропа и стал его долго и внимательно разглядывать. Потом понюхал и печально спросил:

— Это укроп, что ли?

— Укропчик, укропчик, — зачастила смуглянка, вскинув на Макасеева горячие глаза. — Двадцать копеек, жена за такой укропчик расцелует.

Макасеев изумился, во всяком случае, сделал изумленное лицо и, как бы слегка поперхнувшись, сказал:

— За такую малость? Ну ты и бесстыжая! Постеснялась бы такие цены заламывать. Так и в миллионерши недолго выбиться.

Платье девушкиных глаз подернулось пеплом, она беспечно откликнулась:

— А не берите.

— А оптом? — предложил Макасеев. — Три пучка за полтинник? Пойдет?

— Проходите, дядечка, не торгуйтесь.
— Да ведь не мед, не сало же! Травя. Сама растет под дождичком. Скинь пятак хоть. Не убудет тебя.

— А вы с того пятака счастливым станете? Стыдно вам, дядечка. Идите себе.

— Да уж уйду, не надейся!

Он потолкался по другим рядам, потом вернулся и, скорбно глядя на торговку, стал медленно расстегивать рубашку. Когда он дошел до третьей пуговицы сверху, юная негоциантка зарделась и робко спросила:

— Вы чего, гражданин?

— Я-то ничего, — с удовольствием сказал Макасеев. — А ты? На, последнюю рубашку тебе отдаю. Грабь.

— Ай, да берите, нате, три за полтинник! — охнула девушка. — Бывают же такие настырные люди!

— Вот другое дело, — удовлетворился Макасеев. Он застегнул все пуговицы, расплатился и, взяв зеленый трофей, достойно вышел.

У ворот рынка его окликнули:

— Алё! Сергееч!

Макасеев обернулся. К нему подходил сосед по подъезду, вальяжный черноусый парень по имени Валера. Он нес в авоське молодую взерошенную картошку.

— Картошечкой разжился, Валера? — сказал Макасеев. — Привет. А я — укропом. Ну, дерут куркули, сил нет, как дерут. Никаких зарплат не хватит, если вот так каждый день на рынке отовариваться.

— Частный сектор, — благодушно сказал Валера. — Родимые пятна. Для них Комитет цен — пустой звук, незнакомый. Ты до дому, Сергееч? Торопись?

— Да не так чтобы. А что такое?

— Не, ничего, может, компанию составишь? Под шары, а?

Макасеев задумался, прикидывая.

«Под шарами» завсегда так и называли рюмочную, расположившуюся в те достославные времена в географическом центре микрорайона. Опрятная, современно обшита изнутри светлыми деревяшками, рюмочная имела определенный успех у еще не в конце пропившихся алкоголиков. Два стеклянных шара освещали вход даже днем. Под шарами сидели пыльные шавки, питавшиеся бутербродами, которые в качестве принудительного ассортимента выдавались к каждой рюмке. Освоить такое количество бутербродов клиентам забегаловки не удавалось, и собакам жилось вольготнее.

— Набегаетесь с этими наперстками, — нерешительно протянул Макасеев, — да и дороговато получается...

— Чего дороговато? — возразил Валера. — Пашка-то, который там за прилавком, ну, здоровый такой, ты знаешь, он дружок мой. В армии еще корешевали. Сунешь ему красненькую, а он тебе за нее бутылку из-под минеральной выдает. В ней шестьсот грамм помещается, ежли

под завязку. Бутербродов — строго по желанию. И никакой народный контроль не засечет, держись только сам по-умному.

— Да? — спросил Макасеев, взвешивая в уме все «за» и «против». «За» перетянули. — Тогда можно, пожалуй. Десятка — это по-божески. На тебе сразу мою долю, ничего, что рублями?

В рюмочной было малоллюдно. Над стойкой царствовал бармен Паша, могучий, как трактор. Макасеев попытался поймать его взгляд — не получилось. Тут был какой-то фокус: внимая клиенту, Паша смотрел почему-то на входную дверь, зато когда, казалось бы, внимательно разливал водку в шеренги рюмок, глаза его шарили по дальним столикам, где негромко гуляли пенсионеры: не пора ли вмешаться?

Ухмыльнувшись и глядя под ноги, Паша кивнул Валере.

— Минералочки нам с Сергеем, Пашок, — попросил Валера, как воровья, выпуская из ладони десятку.

Паша задумчиво посмотрел на потолок. Тем временем деньги сами порхнули в его левую руку, а правая достала из-под стойки невзрачную бутылку с этикеткой «Ессентуки-1», надежно закрытую гофрированной пробочкой. Паша отковырнул пробочку толстым мизинцем, на тарелку бросил два бутерброда с селедкой, придвинул матовые стаканы. Потом он повернулся спиной и стал внимательно изучать какую-то накладную, но только Макасеев вынул сигарету, предупредил:

— У нас не курят.

— Картошку не забыть, — сказал озабоченно Валера, подвешивая сетку на крючок под столиком. — Ну, поехали. Обмоем покупки.

— Да, — засмеялся Макасеев, — цены такие вздули, что и правда каждый поход на рынок отмечать надо. Я-то этих барыг как облупленных знаю, меня на кривой не объедешь. А Маня моя по этой линии малахольная: все отдаст, сколько б ни запросили. Я на рынок ее по этой причине не пускаю, сам хожу. С ней без штанов останешься.

— Моя такая же, — сказал Валера, морщась и вытаскивая из-под уса селедочную кость. — Мелочь для нее не деньги. Автобус стоит на остановке пустой, нет, она в маршрутку садится. Говорю ей: чего зря гривеники расшвыриваешь? Так меня же и обзовет. Скупердяй, мол.

— Я не скупердяй, — убежденно продолжал он, допивая очередную порцию. — Только чего просто так-то деньги переводить? Их не без края, и так перед получкой сшибать четвертаки приходится. Или вот электричество. Запалит по всем комнатам и рада. Оно, конечно, копейки, да потом эти копейки в рубли прорастают. Ну прям тебе баронесса фон Лихтенпупен.

— А мою воду забывает закрывать на кухне, — сказал Макасеев. — Так хоть час будет течь, никакого тебе внимания.

— Вода ладно, — махнул рукой Валера. — Вода без счетчика идет, а электричество — извините. Ну, что? Давай последнюю — и по щелям.

Они выпили, звонко чокнувшись, на что бармен Паша откликнулся недовольным кашлем.

— Идем, идем,— успокоительно выставил ладонь Валера.— Ушли уже. Пока, Пашок.

— Картошку,— напомнил Макасеев.

— Ах, черт!— рассмеялся Валера.— Так и ушел бы, правда!

Они вышли под шары, расталкивая шавок, усердно замахавших хвостами. Макасеев закурил, блаженно прижмурившись.

— Тебе хорошо,— позавидовал Валера.— Куришь. Запах отшибает. А я вот некурящий. Моя благоверная сразу учует, бенц выдаст.

Макасеев достал из кармана укроп:

— На вот, зажуй. Духовитый.

— Точно!— обрадовался Валера.— Вот спасибо!

Он усердно задвигал челюстями.

— Пожалуй, и я пожую,— сказал Макасеев.— Для гарантии.

— Чего ж домой-то принесешь?— спросил Валера.

— Один пучок остался, нормально. Обойдется. Буду ее к экономии приучать, нечего.

ЭКЗОТИЧНЫЙ ШАРЛЬ

На центральной улице дачного поселка паслась коза. Впрочем, молодую майскую травку она не трогала, а стояла неподвижно, уставив smaragdovye глаза на верхушку березы, откуда неслись трели невидимого соловья.

Подивившись козе-меломанке, Петров обратил внимание на компактный кирпичный домик с броской вывеской:

С Л У Ж Б А Б Ы Т А БЮРО ДОБРЫХ УСЛУГ

Ниже — помельче — перечислялись услуги, предоставляемые бюро:

**Пришив пуговиц
Сервировка свадебного стола на 150 кувертов (советы)
Прокат собак**

Секунду поколебавшись, Петров нажал на дверную ручку.

За казенным столом дремал лысый дядя. Интерьер комнаты не раздражал глаз излишествами: имелся лишь стул для посетителей да та же вывеска, что и снаружи, только оформленная значительно художественнее. К ней была пришпилена цветная фотография размером восемнадцать на двадцать четыре с изображением свадьбы: вороной жених гордо ведет к венцу хризантемно-белую невесту.

Личность лысого удостоверяла строгая табличка:

**Администратор
Б. Б. Ожидает**

— Здравствуйте, — произнес Петров. — Извините, шел мимо, заинтересовался. Прокат собак — как это?

— Здравствуйте, — ответил Б. Б. Ожидает. — Разъясню: прокат собак есть абсолютно новая форма нашего сервиса. Вот вы, скажем, прибыли сюда с целью провести у нас дачный сезон, ведь так?

— Так, — подтвердил Петров, подивившись проницательности собеседника.

— И у вас есть дети, так?

— Так, — подтвердил Петров и снова удивился, — а откуда вы знаете?

— Богатый жизненный опыт. Кто ж ездит на дачу без детей?

— А и правда. Ради детей только и снимаем.

— Так вот, — продолжал Ожидает, — на этот сезон вы можете доставить радость своим детям, приобретя друга дома и по совместительству сторожа. Собаку то есть. Служба быта поможет вам в этом: берите, пользуйтесь. Осенью вернете.

— Любопытно. А где вы собак берете? Централизованно?

— Видите ли, — пояснил столоначальник, — существует категория граждан, которым, наоборот, летом пса девать некуда. Едут, к примеру, на курорт, в Пицунгу или там в Паланду, где собачья иммиграция не поощряется. Вот за некоторую плату, согласно прейскуранту, они и сдают своих любимцев нам. Мы, в свою очередь, ссужаем их дачникам на лето.

А осенью забираем их у временных арендаторов и возвращаем владельцам. Все довольны.

— Вполне нравственно и рентабельно, — согласился Петров. — Значит, за арендованную собаку я должен платить?

— Ну, а как же, — вроде бы даже несколько обиделся администратор, — как в любом пункте проката.

— Выходит, вам сдают собак и платят. А берут и тоже платят? Ожидаев неопределенно повел плечами. Дескать, такой уж порядок.

— А выбрать я могу? — спросил Петров. — Меню, то есть, простите, каталог у вас имеется? В смысле прейскурант?

Администратор выдвинул ящик стола, засунул в него по локоть руку и достал мятую папку.

— Пожалуйста, собаки восемнадцать пород, от престижных до кондиционных.

Петров в который раз удивился: как это?

— Есть престижные породы, — растолковал представитель сервиса, — модные, другими словам: ротвейлеры, ризеншнауцеры, доги, русские борзые. А есть попроще: эрдели, таксы, ну там болонки всякие. Шустеры не держим. Выбор, в общем, богатый. За престижность взимается определенный процент.

— Понял, — протянул Петров. — Что ж, пожалуй, возьму какую-либо псину. А что? Живая душа, детям в радость, да и чужого, глядишь, обгавкает. А посмотреть-то можно?

— Ни в коем разе, категорически! — вскинулся Ожидаев. — Зоопарк, что ли, вам? Животные нервничают. Нет, только по спискам. Выберете себе кого хотите, тогда с богом.

— Хорошо, тогда дога. Желательно тигровой масти.

— Вот уж не советую! Они доги, глупые, во-первых. И жрут, во-вторых, как у друга на именинах. Прогорите.

— Да? Ну тогда разве что ризеншнауцера. А?

— Хотите добрый совет? Не берите всех этих модных. Нежные псы, балованные. Не дай бог заболит — что тогда? Скандал. И вам, и нам неприятности. А вот есть у меня собака что надо. Умница и вообще... Неприхотливая, крепкая. Победитель конкурса. Хотя порода тоже жутко экзотичная, вы такой и не слышали — чиауама сингапурская. Показать.

— Чиауама так чиауама, — бодро сказал Петров. — Вам виднее.

Администратор сорвался с места, умчался через заднюю дверь и тут же вернулся, таща на поводке приземистое кудлатое существо, которое слабо сопротивлялось, болтая ушами.

— Красавец! — влюбленно воскликнул Ожидаев. — А зовут, между прочим, Шарль. Берите, пока не поздно. Завтра суббота, народ набегит, с руками оторвут. Пять тридцать в месяц. Очень даже недорого.

— Пять тридцать — это не разговор, — сказал Петров. — Тут морально-этическая сторона. Привяжемся мы к нему, понимаете, а он к нам. А в сентябре отдавай.

— И не надо! — вдруг страстно сказал администратор. — Берите насовсем. И бесплатно. Даже нет, не бесплатно, даже приплачу вам десятку.

Петров изумился еще раз:

— А что хозяин-то скажет? Потом вам-то какая выгода? Привок-то должен быть для вашей конторы, разве нет?

— Эх, товарищ! — с отчаянием сказал Ожидаев. — Объяснюсь начистоту: вся эта идея с собачьим сервисом выдумана нашим районным заведующим, чтоб ему пусто было! Решил в области отрапортовать: мол, новая форма obsługi населения, по моей инициативе. Только на деле-то пшик получился, никто собак не сдает. То ли не доверяют, то ли черт их знает. Вот этот экземпляр единственный. А мне в отпуск нужно. Куда я его дену?

— Но Шарля все ж таки кто-то вам доверил?

— Да не Шарль он, просто Шарик. Сам прибил. Жалко животное, вот и мучаюсь с ним второй месяц.

— Значит, и никакой он не победитель конкурса?

— Почему? Победитель. Правда, небольшой был конкурс, внутренний. Я бы сказал, камерный.

— Да? Расскажите.

— Да вам неинтересно будет, — засмущался Ожидаев. — Ну, в общем, поставил я ему тарелку борща. И себе. Кто, значит, быстрее съест. Он и выиграл. Обогнал меня минуты на две.

Петров мысленно представил себе этот конкурс и засмеялся.

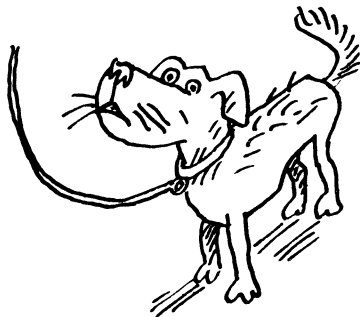
— Так вы же, наверное, ложкой ели?

— Ну не лакал же.

— Вот и проиграли. Условия неравные были. Я бы опротестовал.

— Ну вот еще! — сказал Ожидаев. — Ничего, я зла на него не держу. И не отдал бы, в отпуск вот только. Возьмите, а? Вот десятка.

— А ну вас с вашей десяткой! — нахмурился Петров и взялся за поводок.

КУЗНЕЦОВЫ ПЕРВЫЙ И ВТОРОЙ

Тоскующим взглядом проводив отъезжающий автобус с комиссией народного контроля, директор фабрики бытовых лазеров Кузнецов вздохнул, снял через голову ненужный уже финский искрометный галстук, засунул его в карман и, шаркая подошвами, пошел к Иннокентию Крапивину, начальнику отдела кадров.

Крапивин, как всегда, был ряб и деловит. Внимательно нажимая на клавиши микрокалькулятора, он вычислял процент человеко-прогулов за минувший квартал. На столе лежала стопка объяснительных.

«Я, Сидорчук Марат Захарович, наладчик биолазерных установок, настоящим сообщая, что отсутствовал на рабочем месте с 2 по 16 августа включительно исключительно по причине родного зятя...» — успел прочитать директор на верхнем листке.

Крапивин вскинул на директора стальные глаза и спросил:

— Что, Александр Николаевич? Скверно?

— Иннокентий, Иннокентий, надо бы сквернее, да некуда, — ответил Кузнецов. — Не люди, а водовозы. Телегу с бочкой покатали. Не выполнением, вишь, план. Рекламаций гора, Минторг наши лазеры не берет...

— Так ведь так оно и есть.

— Недостача на складе, — продолжал директор. — Четырнадцать лазеров не досчитались.

— И это истинно так,— кивнул кадровик.— Те лазеры главный инженер на спирт сменял, это всем известно. Сорок два литра ректификата.

— Ну-к, я ж не отпирался. Да, говорю, был такой гешефт со стороны бывшего главного инженера. И спросу с него никакого, потому что уволился и в алкогольное заведение подался, на принудление. Действительно, отвечают мне, какой спрос с больного человека, так что, выходит, по всем статьям отвечать вам придется.

Директор плюхнулся в зеленое выцветшее кресло, прикурил сигарету от настольного лазера.

— И как же просил я тебя, Иннокентий: найди ты мне стоящего главного инженера, толковый чтоб был и непьющий. Погибаю ведь. Я общее руководство осуществляю, а в этой чертовой технике разбираться не обязан. Для меня все эти новации — что лазеры, что мазеры, что, скажем, стихи Вознесенского — сплошные черные дыры. Вот скажи: почему потребитель на нашу продукцию волком смотрит? Почему, к примеру, наш лазер ольховые дрова пилит, а в сосновых увязает? Специалист мне нужен, Иннокентий, позарез. Или уже непьющих специалистов нету?

— Почему нету? — сказал Крапивин. — Есть один непьющий. Вчера только с ним беседовал. Дело знает до тонкости. Не привлекался, грамотой награжден.

— Так что ж ты молчишь, терзатель! — воскликнул директор. — Выкладывай, золото ты мое!

— Загвоздка некоторая имеется, не знаю, как и быть...

— Аморальная? — попытался догадаться Кузнецов.

— Нет, по этой линии у него свято. Женат, детей четверо. Одно дитя ясельное, одно садовское, одно школьное, а четвертого, собственно, нет еще, но вот-вот будет. И не загвоздка даже, а так... недоразумение. Понимаешь, он с тобой одной фамилии. Тоже, стало быть, Кузнецов.

— Эко дело! — сказал директор. — Кузнецовых, Иннокентий, что на небе звезд. Конечно, частичная путаница может произойти, ну да разберемся!

— Путаница, — меланхолично повторил Крапивин. — Но главное, что и зовут-то его тоже Александром Николаевичем. Это уж как-то совсем неприлично получается.

— Да что ты? И зовут так же? Н-да...

— А так мужик толковый, совсем дельный мужик. И его это место как нельзя устраивает.

— Нет, откazyваться невозможно! — решительно сказал директор. — Так подфартить раз в жизни может. Зови его, придумаем что-нибудь.

— Ладно, на завтра, на утро договорюсь.

— Давай, Иннокентий, на утро, на завтра.

Тезка директору понравился. Крепкий, спокойный, молодежавый. На коварный вопрос директора, почему ихние лазеры не справляются с новыми дровами, Кузнецов-второй лаконично сказал:

— Коэффициент емкости надо выправить в плюсовую сторону. На полчаса работы

— А вот в Японии, слышал я, — сказал директор, — уже лазер приспособили тараканов изводить.

— Знаю. Знакомился с рабочими чертежами, — ответил тезка. — К концу года освоим, ничего хитрого. Мало того что тараканов, он и паркет циклевать будет. Одновременно. Это уже моя придумка, у японцев такого нету.

— Золото вы мое! — восхитился директор. — Мы ж с вами в передовиках ходить будем! Все переходящие знамена завоюем! Но как же нам быть с фамилиями-то? Ну, имя-отчество — ладно, бывает, но чтобы еще и фамилия! Ведь нам же документы вместе подписывать! Выходит, две подписи будут: Кузнецов Александр Николаевич и Кузнецов Александр Николаевич. Нет, в управлении нас не поймут. Или такое представим: звонок сверху — срочно Кузнецова Александра Николаевича! А им, значит, отвечают: Александр Николаевич Кузнецов в командировке, так что на месте только Александр Николаевич Кузнецов. Кошмар какой-то! А ведомость, а зарплата? Нас же бухгалтерия путать вечно будет. С вас, скажем, за меня станут бездетность вычитать, а подоходный налог с моей премии на вас переведут. Ой-ой-ой!

Он взялся за голову. Потом с надеждой взглянул на собеседника:

— Александр Николаевич, а если вам сменить фамилию? Нет, правда? Подумайте! Ну, возьмите фамилию жены, например.

— С какой стати? — сказал Кузнецов-второй. — У жены фамилия некрасивая была, она сама-то с радостью на мою поменяла.

— Какая же, если не секрет?

— А чего секрет? Кошкодавова у нее была девичья фамилия.

— Ну и что плохого? — сказал директор. — Звучная, запоминающаяся фамилия. Не то что Кузнецов.

— Вот вы и меняйте на Кошкодавова, если вам нравится. Мы с женой возражать не будем.

— Да я бы с радостью, золото вы мое. Но мне-то никак нельзя. Я на своей должности уже одиннадцатый год. И в управлении меня знают как Кузнецова, и поставщики, и Минторг. А вдруг — здрасте — какой-то Кошкодавов вместо Кузнецова. Кто такой? Зачем? Разговоров не обещать. А вам все равно, вы человек новый.

— Нет, мне не все равно, — сказал Кузнецов-второй. — У меня почти четверо детей, и все Кузнецовы. Их в школе задразнят. Вас дразнили в школе? Это, знаете, похлестче, чем когда начальство распекает. Нет, лучше уж я другое место поищу.

— Никогда! — закричал директор. — Вы ниспосланы нашей фабрике как манна, как перст судьбы! Костями лягу! Дайте мне неделю, я все об-

думаю, я утрясу в управлении! Договорились? Недельный срок! Давайте ваш телефончик, я сам вас уведомлю!

Как и обещал, он позвонил ровно через неделю.

— Все в порядке, золото вы мое! Все утряслось как нельзя лучше!

— Как утряслось-то? — спросил Кузнецов-второй.

— А очень просто! Сняли меня за развал работы! Так что вы теперь единственным Кузнецовым будете. Кандидатуру директора, сказали, подберут, а против вас возражений нет. Поздравляю!

— Пойдите, что ж хорошего-то? А вы-то как?

— Да ну их, эти ваши лазеры, ни хрена я в них не соображаю. Как камень с души, вот вам крест! На улице не останусь, не волнуйтесь. У меня как-никак диплом зоотехника. Мне уже два места предложили: обсерваторией заведовать и в вагон-ресторан шеф-поваром. Пожалуй, в вагон пойду. Уж так я рад за вас, да не за вас, честно говоря, за фабрику мою. Все-таки десять лет как на каторге .. Ну, теперь дело пойдет

И
ОНИ
ПОШЛИ

Внутри бетонного жилмассива, под тонкой рябиной, увешанной красной россыпью гроздьев, притулился поджарый молодой человек с плоским чемоданчиком. Черные эти чемоданчики называют по-разному:

«кейс», «атташе-кейс», а также «дипломат». Но, как бы их ни называли, все равно они крайне неудобны в быту. Больше трех кило картошки в них не запихнуть. И еще: если «дипломат» раскрываешь в людном месте, лежащую на его дне бутылку «Стрелецкой» от любопытных глаз не скроешь. Обычные брюхатые портфели в этом отношении намного практичней.

Хотя наш поджарый, возможно, был непьющим. И картошку таскал в дом, может, не он, а его жена, мама либо теща. Поэтому оставим его чемоданчик в покое и обратим внимание на приближающуюся даму средних лет, обладательницу прекрасных вельветовых джинсов, цепкого взгляда и имени-отчества Нателла Петровна.

— Вы не на лекцию? — спросила она. — Лекция при дэзе — о прочности матримониальных отношений.

— Да, — сказал молодой человек. — Вот вход.

— Так пойдемте, время уже. В объявлении сказано: в тринадцать ноль-ноль. А уже ноль-четыре.

Они вошли в роскошное полуподвальное помещение, выкрашенное радостной темно-серой краской. Навстречу порхнула похожая на суетливого дятла-красноголовика общественница дэза, помоложе Нателлы Петровны, но тоже в джинсах, впрочем, простых, джинсовых. Зато все ее звали только Раяй, игнорируя отчество.

— На лекцию сюда, — прочирикала общественница Рая, — в зал направо, пожалуйста.

Уютный зальчик мест на семьдесят пять привлекал белыми гигиеничными креслами и помпезной, под орех, эстрадой.

— Где же народ? — спросил молодой человек, небрежно помахивая «дипломатом».

— Вот с народом трудно, — пискнула Рая. — Кто на работе, кто где. Уборочная кампания еще. Подойдут, будем надеяться.

— Но не могу же я читать лекцию пустым креслам, — с надменной иронией сказал молодой человек.

— Так это вы лектор? — спросила Нателла Петровна.

— Я. А вы слушатель, да?

— Ну, вот пришла — значит, слушатель. А вы начинайте, пожалуйста.

— Да, да, — завертела головкой Рая. — Вы, товарищ лектор, идите за трибуну, а мы с гражданкой аудиторией здесь сядем, в первом ряду. А то потом, не ровен час, народ нахлынет.

— Чего же он будет мне с трибуны кричать? — резонно сказала Нателла Петровна. — Лучше давайте вместе сядем в президиум да и поговорим насчет матримониальных отношений.

— Я не буду читать одному человеку, — встопорчился владелец «дипломата». — Если дэз не смог провести соответствующую подготовку, в этом его и только его недоработка.

— Афиши вовремя расклеили, — так же встопорчилась Рая, — где же вы видите недоработку? Просто народ трудно идет. Некоторые еще

на работе. У других свои проблемы. А тут еще уборочная кампания.

— Какая еще уборочная? — сказал лектор. — Не деревня тут, город. Перестраиваться вам надо. Это, знаете, раньше, когда без телевизоров жили, народ на что угодно пер, только свистни — лекция там или самодеятельность юных друзей Осовиахима. А сейчас? Сегодня на экране Хазанов, — завтра Зорин, послезавтра — Капица плюс София Ротару. Я уж не говорю про Тото Кутуньо. Мне с ними соревноваться трудно, пусть у меня и самая распрекрасная тема.

— Сами же меня и подтверждаете, — жалобно сказала Рая.

— А с рутиной кончайте, — сурово возразил лектор. — Ишь, афиши расклеили! Уработались! А вы пройдите по квартирам, да заранее, да соберите заявки, кому о чем послушать желательно, да время рассчитайте подходящее. Так-то. А то — что домоуправления, что жэки, что теперь вот дэзы. Названия только разные, а методы не меняются.

— Тогда и я скажу, — вмешалась Нателла Петровна. — Я, честно, не совсем в курсе, что это — матримониальные отношения?

— Брачные, — брюзгливо пояснил лектор, — супружеские. Почему сейчас браки непрочные? Это же крайне животрепещущий вопрос!

— Мужики избаловались, вот почему, — сказала Нателла Петровна. — Меняют жен почем зря. Действительно, похоже: Матрено-меняльные. Вот бы вы так и назвали лекцию: «Почему женятся на три дня?». Уже бы люди заинтересовались. А можно и по-другому, романтично: «Где ты, любовь до гроба?». Тут одних восьмиклассниц полнехонький зал набьется. В дверях драка будет.

— Кто же разрешит такое? — взмахнул «дипломатом» лектор. — Названия президиум общества «Знание» утверждает!

— А вы бы привели ваш президиум сюда, пусть посмотрит на пустой зал.

— Это все разговорчики, — сказал лектор, — а время идет. И читать в пустоту я не буду.

— Я пустота, что ли? — обиделась Нателла Петровна. — Извините. Я специально пришла. И бесплатно, учтите. Вы же получаете за прочитанную лекцию?

Тут и лектор обиделся.

— Ну и что? Ну и получаю, а вам-то что?

— Вот раз получаете, то и начинайте. А я вас слушаю за бесплатно, без всякого мне гонорара. Так уважайте же мое время.

Лектор призадумался.

— Интересно, — сказал он. — А что же двигало вами, что вы решили потратить ваше свободное время на мою лекцию? Вы что, тоже стоите за прочность матримониальных отношений?

— А если честно, — сказала Нателла Петровна, — так я стою за обоими. Обоим привезли моющиеся гэдээровские в хозяйственный. Заняла

очередь. Деваться-то некуда. А тут афиша подвернулась насчет вашей лекции.

— Обои? Моющиеся? Гэдээровские? — воскликнул молодой человек. — Полгода ищу. Думал ремонт летом, а прохлопал. Очередь большая?

— Э! — сказала Нателла Петровна. — С утра заняла. По моим расчетам, вашу лекцию усвоить, а потом на рынок сгонять и в кино еще успею, если фильм не двухсерийный.

— Нет-нет, — успокоила Рая, — в «Привете» односерийный идет. Называется «Девушки из прокуратуры», детектив.

— Печально, — сказал лектор. — С одной стороны, отсутствие аудитории, с другой стороны, обои дают...

— Да уж, — сказала Нателла Петровна, — там-то уж аудитория что надо. На три таких лектора.

— Да ведь это выход! — подпрыгнула Рая. — Идемте к хозягму.

— Зачем?

— К массам. Там и прочтете лекцию.

Нателла Петровна одобрительно кивнула:

— Действительно! Трибунку с собой захватим — она фанерная, легкая. А я вам гарантирую обои вне очереди. Народ пойдет вам навстречу, это я уговорю.

— А что? — в раздумье произнес лектор.

— Ну правильно! — вспорхнула общественница дэза Рая.

И они пошли.

У КАМИНА

Поздней осенью я проводил отпуск в глухом таежном доме отдыха. Мели метели. Партнеров в преферанс не находилось. По урочищам и распадам тявкали росوماхи.

Было скучно.

Вечерами в уютном холле собиралась наша небольшая компания: краснощекие сестры-близняшки Маша и Кунигунда Тюрины — чемпионки по подледному плаванию среди юниоров края, скуластый товарищ Лепешин, директор чего-то, капитан первого ранга в отставке Иван Борисович Березко и я. Мерцал электрокамин. Устроившись в дряблых креслах, мы коротали время за чашечкой кофе. Впрочем, кофе пили только я и Березко: девушки предпочитали грызть жареные тыквенные семечки, а Лепешин, немного стесняясь, периодически вытаскивал из кармана голубого блейзера бутылку «Старорусской» и отпивал прямо из горлышка.

За окном плакал ветер. Дребезжали дверные петли. Мрак хищно падал на землю. В такие часы хотелось говорить об упырях и вурдалаках, но, поскольку в них не верилось, разговор не получался. Беседовали больше о причудах погоды, о дефицитных промтоварах, о спорте. Как-то сестры Тюрины заговорили о человеческой воле к победе, о людях одержимых и целеустремленных. И тут вмешался обычно помалкивавший капитан первого ранга:

— Хотите, я расскажу об упорстве, с которым добивался — и добился — своей цели мой хороший знакомый, можно сказать, друг?

Мы уселись поудобнее, приготовившись слушать. Лепешин сделал двойной глоток, чтобы позже не отвлекаться.

— ...Это было лет восемь-девять назад, — неторопливо начал капитан, дымя трубкой. — Человек, о котором я хочу рассказать — а фамилия его была Петров, — жил тогда в небольшом приморском городке. Служил там и я. Познакомились совершенно случайно в городской бане. Разговорились. Потом как-то сблизились, подружились. И Петров поведал мне о главной цели его жизни. Дело в том, что он вот уже который год трудился над изобретением нового горючего для автомашин вместо бензина. Уже тогда много говорили об охране окружающей среды, о небесконечных запасах нефти, о растущих трудностях нефтедобычи, и мой Петров загорелся мечтой освободить мир от чадающего дыханияхлопных труб.

Он перепробовал всевозможные смеси, бился над сложнейшими химическими соединениями и наконец нашел то, что искал. Он заменил бензин — никогда не догадаетесь! — огуречным рассолом. Результаты были изумительны!

— Ну уж, рассолом! — усомнился Лепешин. Сестры хихикнули.

— Да, вот так же посмеивались многие, — продолжал Березко, — а результаты были, как я уже сказал, потрясающими. У Петрова имелся старенький мопед, и он поставил на него рассоловый двигатель. Когда он пробовал свое изобретение, сбегался весь город. О Петрове заговорили, местная газета напечатала интервью с ним.

— Он молодой был? — мечтательно спросила Кунигунда. Маша ткнула ее кулачком в бок.

— Все мы когда-то были молодыми, — сказал Иван Борисович. — Но с годами старели. Понемножку старел и Петров, потому что дело с внедрением его детища двигалось туго. Но он был упрям, как магнитная стрелка, и прямолинеен, как торпеда. И по его настоянию собралась высшая компетентная комиссия, которой он и продемонстрировал свой рассолопед.

Члены комиссии попожимали плечами, похмыкали. Первый член комиссии, специалист по горюче-смазочным материалам, осторожно спросил:

— Что же там горит-то? Рассол — он же не бензин и не керосин даже.

— Древние тоже, бывало, удивлялись: как это — камень, а горит? — возразил Петров. — А это был каменный уголь. А в обыкновенной поваренной соли заложена огромная тепловая энергия. Зря, что ли, дворники лед солью посыпают? Или: вы умеете зажечь костер из сырых дров?

— Ну, не умею, — нехотя признал первый член.

— А вы киньте в костер горсточку соли. Заполыхает враз.

— Хорошо, соль, — бычился оппонент, — а огурцы зачем?

— Не только огурцы, — сказал Петров. — Тут и смородинный лист, и укроп. Вот только чего не надо, так это листьев хрена, они связывают процесс. А все остальное — мощный катализатор, это уж я опытным путем достиг.

Ну, первый член замолчал. Второй, специалист по противопожарным вопросам, осведомился:

— А как насчет огнеопасности?

Петров молча зажег спичку и ткнул ее в заранее приготовленную баночку с рассолом. Спичка зашипела.

— Вот, — сказал Петров, — а давайте в бензин сунем.

Пожарник поднял руки вверх.

Третий был медик, и он начал:

— Не влияет ли...

— Влияет, — перебил его Петров, — но только в положительную сторону. Посадите в рассоломобиль пьяного водителя, и он через пять-шесть минут под влиянием паров рассола отрезвеет.

— Да, — вмешался в рассказ Лепешин, — это я могу подтвердить, рассол в этом смысле — чудо.

Каперанг внимательно посмотрел на Лепешина и продолжил свой рассказ:

— Да, так вот. Члены комиссии для виду посоветовались, а затем председатель объявил:

— Вы нас убедили, товарищ Петров. Даем «добро» на изготовление опытного образца рассоломобиля.

Через три года на испытательном автодроме носился первый рассоломобиль. Не машина — зверь! Да что зверь — это была овеществленная молния! Водители-асы вылезали из кабины обалдевшие. Они были в восторге от машины, только жаловались, что на крутых поворотах, отвлекая внимание, стучат огурцы в деревянной кадушке, которая была вмонтирована вместо бензобака. Сияющий Петров обещал устранить этот недостаток в рабочем порядке.

Это был триумф! Но потом как-то незаметно, полегоньку произошел спад. Барабаны заглохли, газеты отыскивали сенсации посвежее, министерства занялись ведомственной перепиской. Опытный образец тронуло ржавчиной, кадушка в нем рассохлась.

Предприятия, которому можно было бы поручить серийное изготовление машин, не нашлось. Все, оказывается, были под завязку загружены выпуском текущей запланированной продукции.

— Вот так и заглохло одно из любопытнейших изобретений века, — заключил каперанг и выколотил трубку о настольные хромированные часы.

Все мы грустно повздыхали, поскрипели креслами.

— А как же так? — спросила юная Маша. — Ведь вы говорили, что ваш друг, несмотря ни на что, добился цели?

— Так он и добился, — сказал Березко. — Ведь он получил за свое изобретение немалую премию. И на нее купил «Жигули» последней марки. Это, собственно, и была его цель — личный автомобиль, а разве я не сказал вам об этом?

К СОЖАЛЕНИЮ

Рабочий день в редакции заканчивался.

Стуча лоснящимся посохом, в комнату вошел высокий крепкий старик с седой небритостью на лице и в аккуратных белых валеночках.

— Я автор, Михеев,— сказал он, хмуря рыжие растрепанные брови.— А мне бы литконсультанта Богатырева.

— Я Богатырев,— откликнулся Миша и зачем-то снял очки.

— Садитесь, пожалуйста.

Михеев шумно сел и долго пристраивал к столу свой посох. Посох норовил упасть, и Миша смотрел на него с непонятной тревогой.

— Ну вот,— сказал Михеев разочарованно,— я к битве готовился, а тут, простите, шкет. Тебе лет-то сколько?

Миша покраснел и надел очки.

— Знаете,— сказал он срывающимся негустым голосом,— если вы по делу, так не нужно...

— А ты не обижайся,— сказал старик.— Я это от удивления: как же так — семиклассник и вдруг литконсультант. Учит, как писать.

— Я не семиклассник,— всхорохорился Миша.— Я институт окончил.

— Давно? — подивился Михеев.

— Порядочно уж,— сказал Миша.— Четвертый месяц уже как.

— Ну, не знаю... — посомневался Михеев.— Тогда бы усы, что ли, отпустил.

— Усы гусара украшают,— зло отпарировал Миша.— У вас ко мне что?

— А вот что,— откинувшись на спинку стула и, очевидно, успокоившись, сказал старик.— Вот ты пишешь насчет моего рассказа. Что вот ты пишешь, послушай.

Он вместе с мятой пачкой папирос достал из кармана письмо и развернул его.

— «Ув тэ Михеев! — с выражением прочел он.— Фабула Вашего рассказа примитивна, рассказ изобилует штампами, шаблонными оборотами. Например: «Мария затрепетала, лицо ее покрылось мертвенной бледностью», «Косые ласковые лучи заходящего солнца золотили верхушки деревьев» и тэ пэ. К сожалению, редакция напечатать Ваш рассказ не может. Советуем Вам побольше наблюдать жизнь, учиться у нее. Литературный консультант Мэ Богатырев».

Он замолчал. Молчал и Миша, не отрывая глаз от белого посоха гостя.

— Значит, не понравился? Не ко двору пришелся, значит? — спросил Михеев.

— Значит, не понравился,— с вызовом ответил Миша.— И это я просто два примера привел, а там у вас этих штампов пруд пруди, я помню.

— А ты, консультант, гляжу, бойкий,— протянул старик.— Тогда, бойкий, отконсультируй мне такую вещь: ладно, не понравился рассказ. Косые лучи солнца не понравились. Учиться у жизни мне советуешь. Ну что ж, бывает. Но почему же тогда «к сожалению»? А? «К сожалению», спрашиваю, зачем?

— Я... — сказал Миша.

— Постой! — перебил Михеев.— Выходит, ты сожалеешь, что рас-

сказ не можешь напечатать. Так в чем же дело? Сожалеешь — ну и напечатать. И не будешь сожалеть.

— Сожалею, что плохой рассказ.

— Значит, сожалеешь, что не можешь напечатать мой плохой рассказ. Не в твоей воле. Напечатал бы, да редактор не позволит. Так чего ж тебя здесь держат, ежели ты плохие рассказы готов печатать? Нет, тебе тут не место. Пойду к твоему начальству. Это дело серьезное. Сожалеет он, видите ли...

Старик встал и цепко схватился за посох. Миша затрепетал, лицо его покрылось мертвенной бледностью.

— Товарищ Михеев, — сказал он. — Вы извините. Я ведь только еще стажирюсь... Я, как бы сказать, на испытательном сроке. Не ходите к начальству, а? Я очень сожалею...

— Опять сожалеешь? — закричал старик и бешено стукнул посохом.

«Иван Грозный, — смятенно подумал Миша. — Репин. Иван Грозный и сын его Михаил».

— Ну, гляди! — со значением произнес Михеев. — Будь здоров, жалельщик!

* * *

А через неделю Мишу вызвал главный редактор.

— Да, товарищ Богатырев, — страдальчески сказал он. — Жалуются на вас авторы, обижаются. И правда ведь, нехорошо получается.

Он придвинул к себе пачку писем.

— «Ваш рассказ, к счастью, опубликовать не можем», — процитировал он. — Или вот: «Рады сообщить, что Ваши стихи слабые, непрофессиональные»... Кто вас учил так отвечать авторам?

— Иван Грозный, — буркнул Миша.

— Кто-кто?

— Да нет, никто, собственно, — поправился Миша. — Сам я.

Редактор встал.

— В таком случае, к сожалению, мы должны с вами расстаться. Не подходите вы нам.

«А если сожалеете, так зачем же расставаться?» — подумал Миша.

Но он ничего не сказал и только грустно посмотрел в окно.

Косые ласковые лучи заходящего солнца золотили верхушки деревьев.

ПОЙМАН ПРИ ПОПЫТКЕ

Легко и спокойно Роман Антонович оделял таксистов и официантов чаевыми, совал трешки сантехникам, начислял законный процент спекулянтам. Все это было просто и естественно, как сама жизнь. Теперь же он собирался впервые в жизни дать настоящую, полноценную взятку, и от этого морозец пробежал по позвоночному столбу. Было неуютно.

За утренним чаем Роман Антонович советовался с племянником Левой. Лева, как и подобает племянникам, был намного моложе, но проблем, требующих раздумий, для него, казалось, не существовало.

— Ну как же, Лева? Просто так взять и сунуть деньги?

— Что значит сунуть? — укоризненно говорил прожженный Лева, жуя бутерброд, густо намазанный маслом, а сверху еще лежали два кусочка полтавской колбасы. — Ни в коем случае. Это в девятнадцатом веке такая мода была: незаметно опустить объекту мзду в карман пальто, чтобы он через неделю обнаружил. Или еще в конверте преподносят — глупо совсем уж. Этим вы только ставите человека в неловкое положение. Он же не видит, сколько там. Может, не по таксе. Нет, играть, так в открытую. Аккуратно, не суетясь, кладете на стол. Без свидетелей, понятно.

— Это-то понятно, — согласился Роман Антонович. — А вот сколько класть?

— Сколько нужно, столько и класть. Меньше — ни в коем разе, все

дело сорвете. Ну, и больше нежелательно. Потому что, во-первых, разбаловываем мы их этим, во-вторых, объект занервничать может, если сумма завышена. У меня дружок был, Вадик, десятки собирал, как орехи с дерева. Тут кто-то к нему с сотенной. И Вадик скис. Не взял. Потом, правда, жалел очень.

— Ну, а сколько же нужно-то? Ем у сколько давать?

Видавший виды Лева поднял глаза к люстре, прикидывая.

Дело было в следующем.

Роман Антонович мечтал застеклить лоджия.

Лоджия была колоссальна, четырнадцать и четыре десятых метра. Получилась бы чудная веранда, ни грязи, ни шума. Летом ночевать можно. И внуку раздолье для игр.

А все зависело от районного архитектора Сковорцова. Только он мог дать разрешение. А мог и не дать. Если сочтет, что застекленная лоджия поуродует дизайн микрорайона.

Лева-то и посоветовал мятущемуся дяде Роме дать Сковорцову на лапу. Лева был уверен: берут все. А уж главному архитектору района сам бог велел. На такой должности, да не брать? Смешно.

Взвесив, Лева бескомпромиссно сказал:

— Полста. Да. Желательно одной бумажкой, и чтобы не замусленная была.

Роман Антонович поежился:

— Нет, ты представляешь: кладу я ему на стол, а он встает и говорит: «Это что, взятка?»

Лева вытер рукавом губы и заржал:

— Ну, вы дадите, дядя Лева! Как миленький, запрячет вашу денежку в карман и черкнет вам визу. Дел-то на минуту. Поехали. Я вас на своей тачке подкину и подожду. Нате полсотни, у меня как раз новенькие, после отдадите. Да не робейте: мысленно я с вами.

...Но, вылезая из машины, Роман Антонович снова заробел:

— А может, Левушка, я лучше ему пару бутылок коньяка? А? Само-го что ни на есть? Марочного? Все-таки интеллигентнее...

— Коньяк врачам носят,— авторитетно разъяснил прожженный племянник.— Остальные любят деньгами. На эти-то денежки он, подлец, водки пять бутылок купит, да еще на закуску останется. Идите, идите, я вон там, во дворике, припаркуюсь.

* * *

Пока Сковорцов дотошно читывался в документ, Роман Антонович, нервно подергивая веком, выложил зеленую купюру на край стола и тихонько продвинул ее мизинцем. Архитектор скосил глаз, потом взглянул на посетителя и встал. Ровным голосом он спросил:

— Это что, взятка?

Сердце Романа Антоновича стукнулось о паркет. Он залепетал:

— Это? Где? Ах, это! Ну, что вы, какая взятка... Как вы могли поду-

мать... Это так... мало ли, какие накладные расходы, может... Конечно, надо бы безналичными, да где их взять, безналичные...

«Что же это за чушь я несу?» — в тоскливом смятении думал он.

— Это взятка,— строго констатировал Скворцов.— Дача взятки должностному лицу при исполнении им служебных обязанностей предусмотрена Уголовным кодексом РСФСР. Вы знакомы с кодексом?

— Не знаком я, вот беда-то,— жалобно сказал Роман Антонович.— Вы уж простите меня, старика. Глупость наша раньше нас родилась.

Он привстал, чтобы забрать деньги, но Скворцов властно сказал:

— Уберите руки. И слушайте, что я скажу.

Прочно усевшись в кресло, он помолчал. Потом, глубоко вздохнув, заговорил:

— Омерзительно. Ваш поступок омерзителен. Вы это понимаете? Да нет, понимали бы, так не пошли бы на такое. Это же мой служебный долг — рассмотреть ваше заявление и решить по существу вопроса. Я за это деньги получаю. Не от вас, от государства.

Роман Антонович умоляюще вскинул вспотевшую ладонь.

— Минуту,— так же властно продолжал архитектор.— Вы хотели забрать свои деньги назад. Я не позволю вам этого сделать. Почему? А потому, что не собираюсь вам потворствовать. Выйдя сухим из воды, вы уже уверенно поплывете с взяткой к кому-то другому, кто не столь принципиален. А я вот поставлю точку на вашей деятельности. Сейчас я произведу два звонка: в приемную предрайисполкома и в райотдел милиции. Придут знающие, компетентные, облеченные полномочиями лица и займутся вами. Надеюсь, вы не станете отпираться, что деньги ваши? А и станете, так дактилоскопия установит на них ваши отпечатки пальцев. А моих там нет. И вот когда состоится суд, вы, возможно, прозреете. И поймете: не все на свете покупается.

— Не звоните,— глухо сказал Роман Антонович.— Я уже понял, до суда. Это Лева всё, племянник... Я прошу вас... Я клянусь... Это первый и последний раз в моей жизни, поверьте мне.

Скворцов с сожалением посмотрел на него:

— По-человечески я вас понимаю. Вы в преклонных годах. Пережить такой прилюдный позор — для вас трагедия. Но оставить ваш поступок безнаказанным тоже нельзя. Хорошо, я пойду вам навстречу. Давайте я возьму на себя функции суда. Я буду судить вас от имени государства. Прямо сейчас, здесь, без свидетелей.

— Да,— прошептал Роман Антонович.

Они оба встали.

— Итак, подсудимый, вы признаете себя виновным в попытке дать взятку?

— Признаю. Но больше не буду. Никогда.

— Да уж надеюсь. Так. Учитывая ваше искреннее раскаяние, ваш возраст, равно как и то, что вы преступили закон впервые, суд, проявляя

снисхождение, считает возможным ограничиться штрафом. В пятьдесят рублей.

Он взял деньги и положил во внутренний карман пиджака.

— Спасибо вам,— сказал Роман Антонович.— Век не забуду.

У двери он задержался и неуверенно произнес:

— Простите, а... деньги... Вы их как, сами передадите государству?

— Это сложный вопрос,— сказал Скворцов.— Просто так я не могу их сдать в банк, нужен же документ. А какой? И учите еще одно: государство в ваших деньгах не заинтересовано. Поощряя вот такие поступления, оно тем самым поощряло бы взяточничество. Ибо не было бы попытки дачи взятки, не было бы и этих денег. Вы согласны? Но уже и то хорошо, что ваши пятьдесят рублей перешли из категории «взятка» в категорию «штраф». Понятия диаметрально противоположные. Вы рады?

— Я рад,— закивал Роман Антонович.

— Ну так в чем дело? А просьбу вашу насчет лоджии я удовлетворяю. Тут нет ничего противозаконного.

Он поставил на заявлении витиеватую роспись.

— Вот. В канцелярии приложите печать.

* * *

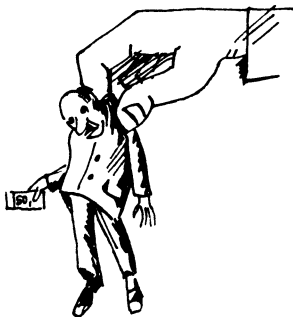
— Долго вы, дядя Рома. Ну как, порядок? — спросил Лева, включая зажигание.

Роман Антонович молча показал ему бумагу с печатью.

— Ключнул, значит? — засмеялся Лева.— А я что говорил?

— Да нет,— сказал Роман Антонович.— От взятки он отказался, но деньги взял.

Видавший виды, прожженный племянник Лева с уважительным интересом взглянул на дядю.

СТУЧАТ

— Товарищ Воробьев?

— Да, это я, заходите, товарищ лейтенант.

— Так. Здравствуйте. Ну, что у вас?

— Я, собственно, вашему начальнику уже объяснял. Непостижимое что-то творится, товарищ лейтенант! Вот уже третью ночь. Только на милицию и надежда.

— Ну, а конкретно?

— Стук. Вот здесь, за стенкой у соседей. Каждую ночь — стук. Я, знаете, бессонницей часто страдаю, а уж теперь и вовсе заснуть невозможно. Такой негромкий, но упорный стук. Кто? Что?

— У соседей, говорите? И как — все время стучат или с перерывами?

— То-то и оно, что с перерывами. Если бы подряд, то еще как-то можно объяснить. Чеканят или на швейной машине... А тут — полтора часа тишина, и вдруг: тук-тук-тук-тук! И снова тихо. Выходит, спят? А потом опять! Да вот я даже график составил, поглядите.

— Ну-ка, давайте глянем.

— Вот: в прошлую ночь в двенадцать двадцать пять — шестнадцать стучаний. Потом перерыв. Дальше: в два часа восемь минут — снова шестнадцать стучаний. И в три сорок одну — тут уже только одиннадцать раз. А потом не знаю, заснул я.

— Любопытно. А дальше что за цифры?

— А тут уже в эту ночь. Тут началось пораньше — в двенадцать ноль две. И стучало целых двадцать два раза. Потом точно, как и вчера, — в два восемь. И тоже шестнадцать стуков. Улавливаете? А третий раз — в три тридцать две. Пятнадцать раз. И сразу во дворе машина отъехала.

— Какая машина? Номер не записали?

— Товарищ лейтенант, четвертый же этаж. И ночь. Что тут запишешь? Пока я к окну метнулся... Фургон это был. Ну, обычный, знаете, типа аварийной. Или «Овощи — фрукты». А что уж за фрукты — не знаю.

— Так... А днем не стучат?

— Днем не слышал. Ну, днем шумы разные, можно и не услышать. А ночью явственно так: тук-тук-тук... Уж что я ни прикидывал: часы, форточка, самогонный аппарат? Нет, не подходит.

— А кто ваши соседи?

— Да никто, так, муж с женой, пожилые уже, обычные люди. И сын, в техникуме учится. Тоже ничего такого, парень как парень.

— Ну, а все-таки, что за парень? Может, он изобретатель? Или хулиган? А, может, у вас с соседями отношения? Может, они назло стучат, чтобы разбудить вас? Бывает такое.

— Ох, товарищ лейтенант! Отношения есть. Но самые нормальные. «Здравствуйте, погодка-то разгулялась, всего хорошего». И вредить мне не за что. Да и потом: стук-то осторожный. Как раз вроде чтобы никто лишний не услышал. У меня ведь и такой вариант был: может, парень перестукивается ради забавы с приятелем. Или с девушкой. Дело-то молодое. Не похоже: ответных стуков нет. И зачем им такие промежутки? Ночи-то не спать, зачем это?

— А вы не хотите просто так, открыто, спросить их?

— Боюсь. Спугну. Вдруг все-таки что-то неладное. Ведь не зря ночью-то...

— А зайти не пробовали? Под каким-нибудь предлогом. Осмотреться.

— Заходил с предлогом, будто словарь мне орфографический нужен. Так собака у них. Серьезная собака, кидается, дальше порога не пускает. Взял словарь — и все. Вот если бы вы своей властью...

— Не дано мне такой власти ночью к людям вламываться, только с санкции прокурора. Ну, ладно. А не похоже на водопровод, канализацию?

— Товарищ лейтенант! Что же я — мальчик, звонить в милицию ради этого? Когда трубы распевают — это дело родное, привычное. Ну вот давайте вместе послушаем. Согласно графику, оно уже скоро начнется. Двенадцать на часах.

— Ну, давайте. Ничего, я закурю?

Тук-тук-тук-тук-тук-тук-тук...

— А! Слышали? Засаекаю: двенадцать пятьдесят четыре. Одиннадцать раз.

— Да кончайте вы писать. Пошел я. На метро опоздал, когда теперь домой попаду?

— А как же... А стук-то, товарищ лейтенант?

— Стук! Эх, товарищ Воробьев, сказал бы я... Собака это у соседей чешется, понятно? За ухом чешет, а локтем — или как там, коленом? — по полу попадает. Счастливо оставаться.

САПОГИ ДЛЯ КОТА

По мотивам Ш. Перро

Умер мельник. Младшему сыну в наследство достался кот, который орал и требовал рыбы.

А рыбы оставалось совсем немного. Юноша накормил кота и загоревал.

Кот влез ему на плечо и сказал:

— Ничего, хозяин. У меня есть план. Тебя надо женить на дочери короля, и все будет путем. Только справь мне сапоги.

Ну, мельников сын пошел в обувное ателье. Девушка, ведающая приемом заказов, даже и разговаривать не стала, швырнула бумажку с меркой обратно: лилипутов не обслуживаем.

Хорошо, парень догадался: выложил из кармана пятерку. Как бы случайно.

Девушка помягчала:

— Сложная работа очень, сейчас мастера приглашу.

Мастер повторил:

— Сложная работа.

Но заказ принял, вместе с десяткой. Срок, правда, определил жуткий: два месяца.

Мельников сын и так, и эдак. Мастер ни в какую:

— Срок от меня не зависит. Союзки нужны импортные. А это не скоро.

Пришлось ждать.

Вот уж и конец лета. Король с дочкой все разъезжают по окрестностям вдоль реки, в оконце каретное посматривают. Дочка унылая:

— Хоть бы ты, батя, вытащил кого из воды, от разбойников спас.

Король за саблю держится:

— Спасти — это мне раз плюнуть, да вот кого только?

Дочка слезу украдкой пускает.

Осень. Похолодало. В последний раз уговорила принцесса отца на речку съездить. А ветер северо-восточный, метров, наверное, двадцать в секунду. Ежится король, ноги в мантию закутывает.

Едут. Видят — дорожное строительство идет. Бульдозеры, экскаваторы ползают, народишко суетится.

— Чьи вы, хорошие люди? — кричит король из кареты.

— Карабассовские мы, — отвечают ему.

Дальше едут. Опять какой-то объект строится. Краны высоченные стрелами крутят, панелевозы в очереди стоят. Чубатые шоферы покуривают.

— А вы чьи, хорошие люди?

— Карабассовские, дед. А тебе что?

Молчит король, катит дальше. Дворец на горке красуется. При входе вывеска: «КАРАБАСС».

— Зайдем, батя, погреемся, — просит дочка.

Заходят. В первой комнате верзила сидит, бумажки рассматривает. Внешне симпатичный, молодой. Принцесса повеселела, долгий взгляд из-под ресниц бросает. И талия у ней возникла.

— Маркиз Карабас не вы будете? — спрашивает король.

— Какой маркиз? Маркшейдер я, — отвечает верзила, а сам со вниманием принцессу разглядывает. На талию обратил внимание: ничего талия. — А управление наше Карабассу подчинено — Караландинскому, значит, угольному бассейну. Да вы садитесь, замерзли. Кофе?

Налил им по чашечке, разговорились. Верзила оказался своим человеком, все о себе рассказал: главным маркшейдером числится, так что оклад вполне. План делают железно. Холост. В очереди на однокомнатную квартиру, вот-вот уже дадут. Король интересуется:

— А вы не людоед?

— Кто это вам наплел? — сердится верзила. — Конечно; под моим началом людей прорва, и я со всех дисциплину требую. Всем не угодишь, для кого, может, я и в людоедах значусь. Анонимку, что ли, проверять приехали?

— А! — радуется король. — В переносном-то смысле кто не людоед? Меня вся челядь за глаза честит будь здоров! А вы в мышку можете превратиться?

— Какой ты, батя! — возмущается дочка. — Я мышей боюсь, гадость такая. А товарищ и в человеческом обличье хорошо выглядит.

И зарделась: никак лишнее брякнула? Смущенная, отца под столом ногой толкает. А отец уже все и сам понял:

— В гости к нам не проедемся? У меня и карета своя, ждет.

— Ну что ж, — отвечает маркшейдер, — можно. Кстати, и рабочий день кончается.

Едут. Маркшейдер с принцессой рядышком. Молчат, дышат только.

Тут выскакивает на дорогу кот. В новых сапогах. Прямо чуть не под колеса. Кричит:

— Караул! Помогите! Пока мой хозяин купался, у него разбойники костюм увели!

Король на дочку смотрит. Та будто не слышит. А маркшейдер брови сдвинул, цедит сквозь зубы:

— Говорящие коты — в этом, согласитесь, что-то ненормальное есть. И хозяин его, видать, тоже ненормальный. Кто же в такую холодрыгу купается?

— Да уж, — подхихикивает принцесса.

Король объясняет коту:

— Тем более что у нас и место-то в карете занято. Ты уж, любезный, сам как-нибудь расстарайся, помоги своему хозяину.

— Да врет он все, — говорит маркшейдер. — Сам, небось, разбойник тот еще. А ну, брысь!

И уехали.

А мельников сын после того купания всю зиму с двусторонним воспалением легких провалялся. Кот его отхаживал, малиной поил.

Теперь давайте разберемся: кто же виновен в том, что для них эта история закончилась так невыгодно?

А конечно же, наша нерасторопная служба быта. Кто же еще? Это подумать только, по два месяца заказы мариновать!

— Вот почему-то считают меня дьявольски хитрым, корыстным ловцом человеческих душ,— пожаловался Мефистофель.— Да ничего подобного! Если мне какой господин нравится — как вы, например,— я просто так, из уважения только, готов обеспечить его бессмертием.

Мудрый доктор Фауст прищурился:

— Знаем мы эти разговоры. Бессмертие в переносном смысле, вы хотите сказать? Дескать, творение Гете бессмертно, а вместе с ним и я...

Мефистофель замахал руками:

— Ну вот, опять! Да нет же, никаких бессмысленностей, никаких аллегорий! Вот лично вам, созданию божью, из плоти и крови, я гарантирую неумираемость навсегда, вечную жизнь, хотите?

— Кто же не хочет? — сказал Фауст. — Хочу.

— Отлично! Только дайте расписку.

— Началось! Расписку! Иными словами, купчую на мою грешную душу?

— Ну доверьтесь хоть раз-то! Я сказал хоть слово о купчей? Обычную расписку: «Я, доктор Фауст, настоящим не возражаю против моего вечного существования». Дата. Подпись. И все. И я произвожу пару пас-сов...

Фауст задумался.

— Вечного-бесконечного,— пробормотал он. — Понял! Загвоздка вот

в чем: проживу я, допустим, две-три тысячи лет, и надоест мне это до чертиков, хоть вешайся! А повеситься-то и нельзя, не получится. Живи, терпи до бесконечности. Это, монсеньор, хуже ада! Нет, я отказываюсь.

— Извольте, — живо возразил Мефистофель. — Пишите так: «...моего вечного существования до тех пор, пока я сам не пожелаю его закончить». Так вас устроит? Это даст вам право в любое время отправиться к праотцам.

Фауст снова задумался.

— Значит, подвох в другом. Так-так-так... А, вот что: стало быть, буду я стареть, стареть, пока не превращусь в дряхлейшего из дряхлейших, развалину, живые мощи. И, ясно же, буду одинок, как Агасфер. Потому что кому нужен такой трухлявый пенё?

— Зачем же? — воскликнул Мефистофель. — Выберите себе любой возраст, самый цветущий, скажем, двадцать пять лет. И живите таким вечно.

— Ох, и хитры вы, монсеньор! — сказал Фауст. — Да только и я не вчера с дерева слез. Значит, картина такова: в двадцать пять лет я, может быть, полюблю прекрасную женщину. Мы поженимся, родятся дети. А жена стареет, а дети догоняют и перегоняют меня по возрасту, и лишь я все такой же обаятельный молодой оболтус. Ну и жизнь вы мне сулите!

— Как скажете, — смиренно сказал Мефистофель. — Тогда можно так: вы синхронно с супругой, детьми и друзьями старитесь до определенного возраста, ну хотя бы до девяности. Так? А потом вы, уже один, начинаете молодеть и доходите постепенно до грудного, младенческого состояния...

— Ну, а вот это совсем уж ерунда, — сказал Фауст. — Так же еще заметнее будет. Что скажут окружающие? Да и мне-то зачем такая карусель?

— Я только предлагаю разные варианты, — пожал плечами Мефистофель. — Придумайте сами наиболее удобный для вас способ вечной жизни, а я готов исполнить.

— Придумую, — сказал Фауст. — Не волнуйтесь, придумаю. А вот и придумал, слушайте: значит, так, я живу, как все люди, постепенно приближаясь к рубежу, — хорошо, пусть будет девяносто. Потом умираю, что вполне естественно будет выглядеть в глазах моих близких. Но! Тут же я возрождаюсь в каком-либо младенце и живу второй уже полнокровной жизнью до девяности лет. И опять прыжок в детство, и так далее.

— Ничего нет проще, — покладисто сказал Мефистофель. — Хотите, можно перевоплотиться не только в ребенка, а в кого угодно: в муравья, например, или в собаку...

— А что? — сказал Фауст. — Это даже любопытно — прожить собачьей жизнью. Крайне интересно. Ведь мы даже не способны представить себя в шкуре собаки. О чем она думает? Какие сны видит? Говорят, собаки глаза не воспринимают красок, мир для них — серый. А зато обо-

нение! Собачья способность воспринимать тончайшие нюансы запахов — это же для нас тайна за семью замками! И мне эта тайна откроется! Заманчиво... Или действительно побывать муравьем — тоже здорово!

— Ну, думать-то при этом вы будете по-человечьи.

— А, вы правы. Я ведь буду не обычный пес, а, собственно, Фауст на четырех лапах. Тогда это глупо. Виляя хвостом, бежать обнюхиваться с каждой встречной сучкой... Нет, давайте так, как я предложил: перевоплощаться только в ребенка.

— Да, но ребенком вы будете помнить, что вы — Фауст. Значит, душа и мысли у вас будут, как у зрелого мужчины. Представьте себе, что внешне вам шесть лет. Ваши ровесники кричат, борются друг с другом. Ревут. Играют в мячик. Вам очень хотелось бы сейчас попрыгать с мячиком?

— Да нет, еще чего!

— А придется. Придется притворяться, чтобы уравниаться с подобными вам. Либо стать изгоем. Отшельником, отщепенцем, никем не понятим. Ведь душа-то у вас пожилого, мудрого доктора Фауста.

— Так вот в чем заковыка! — воскликнул Фауст. — Участь белой вороны всегда и во всем. Ничего, раз уж вы называли меня мудрым доктором Фаустом, я найду выход.

И снова он задумался.

Прошла минута.

— Эврика! — радостно сказал он. — Сделаем так: дожив до преклонных лет, я отдаю богу душу, как и все люди, а возрождаюсь в облике другого человека, причем начисто — слышите, начисто! — забываю о своей прежней жизни. Ребенок, мужчина, старик. И так вечно: смерть и перевоплощение без моего ведома.

— Поразительно! — сказал Мефистофель. — Разрешите принести дань вашей мудрости.

Он снял шляпу и низко поклонился Фаусту. И только мгновенная тень улыбки промелькнула на его лице. Мгновенная — Фауст ничего не заметил.

СОДЕРЖАНИЕ

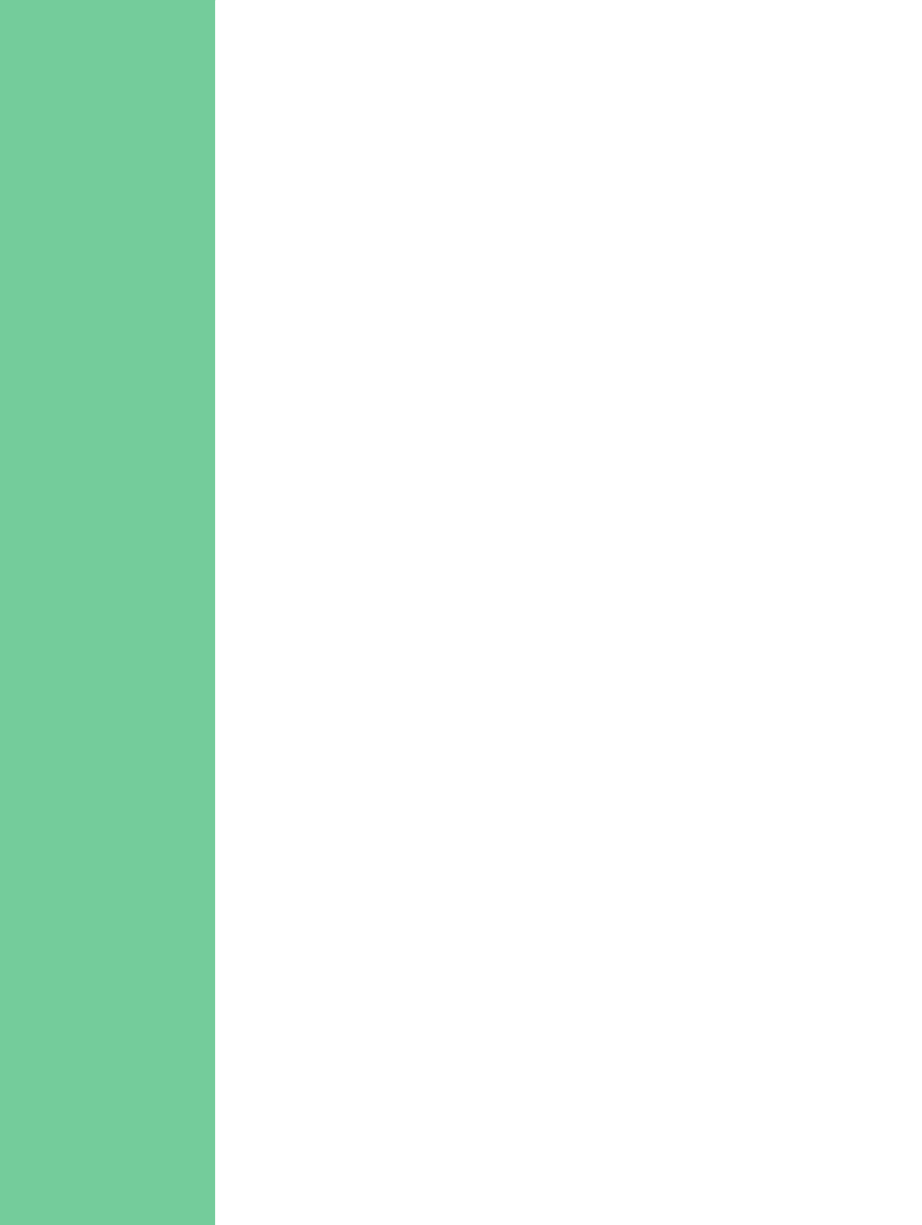
Пурга над Диксоном	3
Мы для нас	6
Час займы	11
Шкафы встроенные, три штуки	13
Под шарами	16
Экзотичный Шарль	19
Кузнецовы первый и второй	23
И они пошли	26
У камина	29
К сожалению	32
Пойман при попытке	35
Стучат	39
Сапоги для кота	41
Притча о мудром докторе Фаусте	44

Святослав Сергеевич СПАСКИЙ
МЫ ДЛЯ НАС

Редактор Р. Т. Киреев
Техн. редактор Л. И. Курлыкова

Сдано в набор 10.12.86. Подписано к печати 05.01.87.
А 05002. Формат 70 × 108^{1/32}. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Учетно-изд. л. 3,10. Усл. кр.-отт. 2,45. Тираж 75 000.
Изд. № 60. Заказ № 4227. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС
«Правда». Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Цена 20 коп.

Индекс 72996.